

124). Некоторые исследователи сопоставляют Арикамеду с Подуком, о котором сообщается в «Перипле Эритрейского моря». Город возник, по мнению авторов, не позже 23 г. до н. э. Случайные находки из Арикамеду уже в 30-х годах привлекли внимание научного мира к этому интереснейшему памятнику. В 1945 г. там работала экспедиция индийских археологов. Раскопки вскрыли построенный около 50 г. н. э. склад; в другой части города были обнаружены красильные чаны, служившие для окраски материи, которая вывозилась из Индии.

Авторы выделяют два типа римской керамики, происходящей из Арретиума (амфоры и широкие блюда с отпечатками штампов), и местную. В местной преобладает сероглиняная с небольшим количеством красной. Помимо этого имеется некоторое количество черно-красной керамики и сосуды с отпечатками плетенки. С I в. н. э. местная керамика все больше оказывается под влиянием римской. Арикамеду был крупным торговым портом, тесно связанным со Средиземноморьем и, возможно, служил перевалочным пунктом на торговых путях, которые связывали западный мир с юго-восточной Азией. Это обусловило большое количество римских вещей в городе: бусы, геммы, стеклянные браслеты, золотые изделия, глиняные лампы, большое количество монет. Из местных предметов, помимо керамики и бус, найдено железное долото, шило, обломок кинжала и т. д. Обнаружены деревянный молоток и деревянное корытце. Особый интерес представляют многочисленные посвятельные надписи на керамике (граффити), на основании которых авторы пытаются восстановить древний шрифт южно-индийских алфавитов, сопоставляя граффити из Арикамеду (I—II вв. н. э.) с другими древними южно-индийскими надписями. Обнаруженные (см. рис. 6) надписи могут считаться древнейшими экземплярами надписей на тамильском языке (по терминологии авторов шрифт «дравиди»); наряду с ними встречаются и праkritские надписи.

Важные вопросы затронуты в статье Н. П. Чахраварти о малых наскальных эдиктах Ашоки (AI, №4 (1947—1948), стр. 14—25). Наибольшее внимание автор уделяет рассмотрению вопроса об экспансии на юг Индии маурийских правителей. На основании анализа ряда источников (джайнских легенд, поздних южно-индийских надписей, тамильской литературы первых веков нашей эры и самих эдиктов Ашоки) Чахраварти приходит к выводу, что основные завоевания на юге Индии были предприняты при отце Ашоки — царе Биндусаре. В доказательство своей точки зрения автор приводит отрывок из сочинения тибетского историка XVII в. Таранаты о том, что министр Биндусары по имени Чанакья жестоко умертвил царей и вельмож почти 16 городов (владений); после этого царь завоевал все земли (между Восточным и Западным океанами).

Результаты многолетних археологических исследований, проводившихся в Индии, получили освещение в 9 номере журнала «Ancient India» (1953). Юбилейный номер — это своего рода отчет о тех работах, которые вели и ведут индийские археологи. Статьи, помещенные в нем, написаны известными учеными А. Гхошем, Б. Б. Лалом, В. Д. Кришнасами, К. Р. Шринивасаном, Д. С. Сиркаром и др. и освещают результаты археологических исследований памятников различных эпох от палеолита до средневековья, историю индийской археологии.

Подводя итог рассмотрению журнала «Древняя Индия», необходимо отметить, что рецензируемое издание, в котором широко и детально разрабатывается история одной из древнейших цивилизаций мира, по праву можно поставить в ряд лучших археологических журналов.

Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деоник

Ли Я-Нун, Рабовладение и феодализм в Китае, Шанхай, 1954, 176 стр. (на китайском языке)

Современный китайский историк Ли Я-нун недавно опубликовал работу, посвященную вопросам рабства и феодализма в Китае. Книга Ли Я-нуна — результат многолетних трудов автора в области изучения древнекитайской истории — представ-

ляет несомненный интерес для всякого, изучающего историю Китая. Древний период китайской истории вызывает еще много споров. Поэтому каждая попытка внести ясность в сложный вопрос о характере древнекитайского общества достойна внимания и тщательного изучения.

Свое исследование Ли Я-нун начинает с эпохи Инь. Анализируя данные об иньском обществе периода XIV—XII вв. до н. э. и прежде всего надписи на гадательных костях, он приходит к выводу, что Инь было развитым рабовладельческим обществом. В этот период существовал целый ряд оторванных от производства социальных групп — жреческая и светская аристократия, военные вожди, было также много оторванных от сельского хозяйства ремесленников и торговцев. Уже одно это свидетельствует, по мысли Ли Я-нуна, об эксплуататорском характере иньского общества (стр. 3). Основными эксплуатируемыми в Инь были рабы. Их число было очень велико. Всех упоминаемых в гадательных костях так называемых *чжун* Ли Я-нун считает сельскохозяйственными рабами (стр. 4—5)¹.

Ли Я-нун пишет, что производительные силы иньцев (производство высококачественных бронзовых изделий, развитие сельского хозяйства, строительных работ и т. п.) были такими, что позволяли широко применять труд рабов. Пленные в массе своей уже не умерщвлялись, а превращались в рабов (стр. 3). Что же касается жертвоприношений людей в Инь, то их нельзя рассматривать как свидетельство недостаточной ценности и слабого использования рабов в производстве. Это — просто ритуальный обычай, который не может служить доказательством наличия или отсутствия рабовладельческого общества (стр. 31—33).

Рабовладельческое общество Инь в XII в. до н. э. не только упрочилось, но и начало вступать в стадию своего разложения, пишет Ли Я-нун. Рабовладельцы, оторванные от производства и переставшие даже принимать участие в управлении им, предавались праздности и разврату, крестьянское производство разрушалось, военная сила Инь слабела (стр. 10).

В это время на рубежах Инь возникает и развивается новая сила — союз варварских племен под руководством племени Чжоу. Производительные силы этого племени были очень низки; чжоусцы не знали бронзы. Их вожди были еще тесно связаны с производством. Однако благодаря сильной военной организации чжоусцы, воспользовавшись ослаблением Инь, сумели разбить и покорить иньцев.

Покорение рабовладельческого государства Инь варварским племенем Чжоу не привело и не могло привести к созданию нового социально-экономического строя, к переходу к феодализму (стр. 23, 42). Чжоусцы могли перейти и действительно перешли только к рабовладельческому строю (стр. 23). Остановливаясь на причинах этого явления, Ли Я-нун указывает на низкий уровень производительных сил чжоусцев: завоевание не только не могло способствовать развитию производства и культуры Инь, но привело к регрессу высокоразвитой культуры иньского рабовладельческого общества. Например, изделия из бронзы, изготовлению которых чжоусцы научились у иньцев, в начале Чжоу были много грубее и хуже иньских (стр. 71).

Во-вторых, источники порабощения, сокращение которых обычно приводит к упадку рабовладения, в эпоху Чжоу не только не иссякли, но возросли. Труд рабов стал применяться в огромных масштабах. Чжоусцы узнали вкус эксплуатации рабского труда и не могли отказаться от него, имея массы покоренных рабов. Производительные силы рабовладельческого общества еще не пришли в противоречие с производственными отношениями (стр. 72).

¹ На наш взгляд, больше основания считать *чжун* членами родовой общины, но не рабами, хотя их положение близко к положению рабов. Возможно также, что так называли и свободных и рабов, поскольку это был единственный термин для обозначения непосредственных производителей того времени (См. Т. В. Степугина, К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XII вв. до н. э., ВДИ, 1950, № 2, стр. 71; Х о у В а й - л у, История древнекитайского общества, 1955, стр. 57 (на кит. яз.).

Конкретный переход чжоусцев от родовой организации к рабовладельческой эксплуатации принял форму превращения различных институтов родового строя в государственный аппарат, — указывает Ли Я-нун (стр. 42). Превратив бывших иньских рабовладельцев в рабов, а их рабов — в рабов рабов, чжоусцы поручили первым наблюдать за вторыми (стр. 35). Кроме того, раздав многие земли с населявшими их покоренными племенами в качестве наделов своим многочисленным соплеменникам и союзникам, чжоусцы, по выражению Ли Я-нуна, «надели на голову рабовладельческого общества шапку родовой организации» (стр. 45). Это означает, что пожалованные земли не становились собственностью, а были лишь в пользовании; в таких условиях не может быть и речи о феодальной собственности на землю, — отмечает Ли Я-нун (стр. 44).

Итак, Чжоу — рабовладельческое общество с родовой оболочкой, наличие которой препятствовало историческому прогрессу (стр. 46).

Анализируя надписи на бронзе той эпохи о пожалованиях людей, Ли Я-нун всех жалуемых безоговорочно считает рабами. При этом из общей массы подобных рабов он выделяет небольшую категорию так называемых *чэнь*, находившихся в привилегированном положении. Эти *чэнь* жаловались семьями и были рабами-управителями; они могли иметь семью, дом, землю и даже рабов (стр. 55). Их ряды, указывает Ли Я-нун, формировались за счет бывших иньских рабовладельцев, либо за счет наиболее способных, преданных и умелых рабов из низшей категории (стр. 55).

Совсем в ином положении находилась основная масса рабов, непосредственно занятых в производстве. Эти рабы в надписях зачастую перечисляются просто по штукам (*фу*), а не семьями, и это дает повод Ли Я-нуну считать, что такие рабы вовсе не имели семьи, так как рабовладельцам было невыгодно выкармливать и воспитывать их детей (стр. 54).

Именно такими рабами считает Ли Я-нун всех *нун фу* из известных сельскохозяйственных песен Ши цзин. За исходную точку такой оценки он берет компонент *фу*, входящий в термин *нун фу*, который, как мы уже говорили, автор считает единицей счета рабов (стр. 58).

Соответствующим образом трактует Ли Я-нун и сами тексты песен. Например, в песне И си Ли Я-нун видит картину рабовладельческого хозяйства огромных масштабов. На 30 ли равнины работают одновременно десятки тысяч рабов. По двое в одной упряжке они пашут землю рабовладельца Чэн вана (стр. 58).

Рабы, пишет Ли Я-нун, подвергались жестокой эксплуатации. Они ненавидели не только свой труд, но и орудия труда. Чтобы заставить рабов лучше работать, нужны были строгий контроль и беспощадная плеть, нужен был большой штат управителей и надсмотрщиков над рабами. В песне Цзай шань встречаются спорные для историков термины — *дао шоу* и *бан шоу*. Ли Я-нун считает, что они могут обозначать как раз этих слуг-надсмотрщиков.

В Цзай шань, по мнению Ли Я-нуна, также дано описание крупного рабовладельческого хозяйства, число рабов в котором доходило до двух тысяч (см. стр. 59—60).

Итак, основой хозяйства этого периода Ли Я-нун считает крупную рабовладельческую латифундию, на которой используется совместный труд многих тысяч рабов.

Трудно, однако, поверить, чтобы в условиях начала Чжоу с неразвитыми товарным хозяйством и торговлей могла господствовать система латифундий, свойственная, как известно, рабовладельческому обществу с высокоразвитыми товарно-денежными отношениями. На наш взгляд, описываемое в песнях совместное производство *нун фу* является трудом общины, что было характерным явлением для подавляющего большинства стран древнего Востока.

Надо отметить, что общины, как таковой, Ли Я-нун вообще в древнем Китае не видит. Он пишет, что кроме рабовладельческого хозяйства, в Западном Чжоу существовало еще хозяйство мелких свободных производителей, тоже никак не связанных с общиной.

Ли Я-нун приводит в своей работе перевод песни Дун шань и утверждает, что описываемый в ней воин представляет собой характерный пример свободного крестьянина,

имеющего свой дом, хозяйство, пользующегося определенными правами. Но земли у него очень мало. Вынужденный служить в войсках крупных землевладельцев, этот крестьянин покидал свой дом и по возвращении находил все в полном запустении и упадке (см. стр. 63—66).

Ли Я-нун указывает, что такими мелкими независимыми сельскохозяйственными производителями были члены родового коллектива чжоусцев (см. стр. 83). Главной их обязанностью являлась служба в войсках Чжоу, где использовались, как правило, именно свободные, а не рабы (см. стр. 82).

Но этим не ограничивалось бремя свободных крестьян. Они должны были платить в пользу государства налоги (стр. 83), тяжесть которых с развитием классового общества в Чжоу возрастала. По мнению Ли Я-нуна, для этого периода типично разорение и вымывание слоя мелких производителей, так как они не в состоянии были конкурировать с крупным рабовладельческим производством (см. стр. 67, 84).

Для этих мелких свободных производителей Ли Я-нун не дает никакого определенного из имеющихся в источниках термина. Он называет их *нун минь*, противопоставляя, таким образом, *нун минь* — *нун фу*, которых он считает рабами. Между тем большинство историков совершенно закономерно отождествляет эти два термина, ибо очевидно, что как сельскохозяйственные производители из песен Цзай шань и И си (*нун фу*), так и крестьяне из песни Дун шань, в сущности, принадлежат к одной и той же социальной группе. Интересно, например, что в песне Цзай шань работающие на поле десятки тысяч людей обозначаются тем же термином *ши* (мужчина, воин), что и воины из Дун шань, а из контекста некоторых песен Ши цзин (Фу тянь, Ци юэ), где описывается такое же крупное совместное производство, как и в песнях, приводимых Ли Я-нуном, прямо явствует, что у трудящихся на поле людей есть и дом, и семья. С другой стороны, новейшие исследования ряда китайских историков убеждают нас в том, что описанных в песнях Ши цзин крестьян было бы неверно считать рабами или крепостными¹. В этих песнях, говорит Сы Вэй-чжи, показан совместный труд патриархальной общины².

Специальная глава в работе посвящена так называемой системе *цзин тянь*. Ли Я-нун считает, что в том виде, в каком она описана философом Мэн цзы, эта система никогда не существовала.

Отвергая утопическую систему Мэн цзы, Ли Я-нун дает свое объяснение возникновения и одновременного существования полей *гун тянь* и *сы тянь*. Первоначально племя владело общеродовыми землями *гун тянь*. Затем часть земель превращается в личную собственность отдельных членов рода; так появляются поля *сы тянь*. Впоследствии главы родов увеличивают свои личные земли *сы тянь* за счет общественного поля *гун тянь*. Вскоре и те и другие земли становятся их фактической собственностью (стр. 75—76, 79).

Ли Я-нун пишет, что в период тесных кровнородственных связей между членами рода сохранение части полей в качестве общих было необходимым явлением. С превращением родового аппарата чжоусцев в государственный *гун тянь* постепенно превращаются в государственные земли и оказываются в фактическом владении вышедших из родовой аристократии крупных рабовладельцев (стр. 75). Именно с этих позиций рассматривает Ли Я-нун упоминание в песне Да тянь о полях *гун тянь* и *сы тянь*. Обе эти категории земель, хотя они исторически возникли по-разному, равно принадлежат крупному рабовладельцу Чэн вану, но никак не отдельным крестьянским семьям (стр. 79).

Такова в основном социально-экономическая характеристика рабовладельческого общества начала Чжоу, данная Ли Я-нуном.

Правильно опровергая теорию о наличии феодализма в Западном Чжоу, автор, на

¹ См. Ш а н ю э, Исследование форм производства в доциньский период, «Лиши-яньцзю», 1956, № 7, стр. 2—3.

² Сы Вэй-чжи и К вопросу о собственности на землю в Инь и Чжоу, «Лиши-яньцзю», 1956, № 4, стр. 60.

наш взгляд, преувеличивает степень развития рабовладельческого общества в Инь и Западном Чжоу, неправомерно видит уже в Инь вполне сложившееся рабовладельческое государство. Эта точка зрения доказывается недостаточно убедительно, причем иногда Ли Я-нун механически переносит категории классического рабовладения на китайскую историю.

Следующие несколько глав работы Ли Я-нун посвящает проблеме перехода древнекитайского общества от рабовладения к феодализму. Поскольку автор считает, что «в вопросе о переходе от рабовладения к феодализму изменения в орудиях производства не играют решающей роли» (стр. 24), он не связывает этот процесс непосредственно с развитием производительных сил. Он пишет, что рабовладельцы все дальше отходили от производства, погрязая в разврате; бремя свободных (*нун минь*) возрастало. Для усиления их эксплуатации был введен в X в. до н. э. кодекс наказаний (стр. 86—87). Особенно возросло недовольство *нун минь* в связи с попыткой Ли вана (IX в. до н. э.) ввести деспотическое правление. Кризис перерос в восстание. К восставшим крестьянам *нун минь*, которые были основной силой движения, примкнули рабы (стр. 88). Ли ван был вынужден бежать.

После 14 лет совместного правления двух регентов к власти пришел сын Ли вана — Сюань ван, который, будучи напуган восстанием, пошел на реформы, временно улучшившие положение *нун минь* (стр. 92). В результате этих реформ *нун минь* получили, как полагает Ли Я-нун, новые земельные участки. Они начали распахивать целину, создавали новые дворы (стр. 94). Кроме того, Сюань ван заменил продуктовую ренту *ча* отработочной рентой *цзэ*¹, что будто бы было выгоднее для *нун минь* и способствовало повышению их производственной активности (стр. 96).

Но в это время, пишет Ли Я-нун, произошли коренные изменения и в сфере крупного рабовладельческого хозяйства: усилилась эксплуатация рабов, ухудшилось качество рабского труда, прекратился приток рабов извне в связи с ослаблением военной силы чжоусцев. Все это привело к повышению цен на рабов, что сделало рабский труд нерентабельным (стр. 96—97). Рабовладелец стал раздавать своим рабам участки земли и превращать их в крепостных — *ли минь* (стр. 98). Закрепощению подверглась также основная масса свободных *нун минь*.

Все эти процессы протекали в течение весьма длительного времени, и поэтому переход от рабовладения к феодализму, по Ли Я-нуну, занял около 200 лет, от Ли вана до Циского Хуань вана (начало VII в. до н. э.) (стр. 99).

Надо сказать, что советские историки и значительная часть китайских исследователей справедливо относят возникновение феодализма в Китае к гораздо более позднему периоду. Ли Я-нун не приводит достаточно веских доказательств в пользу своей точки зрения. Напротив, иногда важнейшие положения аргументированы крайне слабо. Например, несостоятельным выглядит утверждение Ли Я-нуна, что в этот период основная масса непосредственных производителей превращается в крепостных. В работе Ли Я-нуна не приводится ни одного конкретного свидетельства изменения социального положения рабов и свободных *нун минь*. В результате всего этого картина феодального общества, нарисованная Ли Я-нуном, выглядит схематично. Мало того, некоторые детали этой картины не имеют никакой связи с китайской действительностью, а привнесены только по аналогии с европейским феодализмом. Например, Ли Я-нун дает описание ремесленных цехов, будто бы существовавших в ремесленном производстве того времени, хотя сам же он признает, что ни одного упоминания в источниках об этом нет (стр. 124).

Итак, все факты китайской истории периода Чуньцю-Чжаньго Ли Я-нун рассматривает с точки зрения наличия высокоразвитых феодальных отношений в это время. Одной из особенностей феодализма в Китае он считает высокое развитие товарно-денежных отношений. Ли Я-нун пишет, что к концу Чуньцю торговля достигла большого развития; появилось множество богатых торговцев, купеческий капитал воз-

¹ Этот тезис совсем не обоснован. В источниках (Го юй; Чжоу юй, цз. I) как раз подчеркивается, что Сюань ван отменил систему *цзэ*.

растал. Расцвет торговли приводил к усилению денежного обращения, к росту ростовщичества (стр. 127). Власть денег стала настолько сильной, что крупнейшие торговцы и ростовщики становились видными политическими деятелями, министрами, канцлерами и т. п. Усиление власти денег привело, по мнению Ли Я-нуна, к тому, что феодалы стали отменять продуктовую ренту и переходить к высшей форме ренты — денежной (стр. 136). Автор, например, указывает, что в 483 г. до н. э. Луский Ай гун ввел денежную ренту и стал взимать $\frac{2}{3}$ дохода крестьян в денежной форме (стр. 134)¹. Деньгами откупались *нун минь* от воинской повинности (стр. 134). Это в свою очередь способствовало развитию торгово-ростовщического капитала.

Тесно связана с этим и другая — по Ли Я-нуну — особенность феодализма в Чуньцю-Чжаньго — отсутствие натурального хозяйства феодального поместья, характерного для средневековой Европы. В то же время, по его мнению, город в Китае в рассматриваемую эпоху был не столько центром ремесла и торговли, сколько укрепленным пунктом и местожительством феодалов (стр. 139—141).

Третьей характерной чертой феодализма в Китае Ли Я-нун считает длительное сохранение рабства и его пережитков. Он пишет, что рабов в Чуньцю-Чжаньго было довольно много. Хотя многочисленные феодальные войны не приносили большого количества рабов (Ли Я-нун приводит данные о массовом уничтожении пленных, что говорит об отсутствии интереса к захвату рабов, см. стр. 113—114), существовали другие источники порабощения: порабощение за долги и продажа должниками в рабство жен, детей и самих себя (стр. 115). Однако, указывает Ли Я-нун, эти рабы использовались не в производстве, а лишь в сфере услужения в качестве домашних рабов феодалов. Это уже не рабовладельческое общество, подчеркивает Ли Я-нун (стр. 119).

Главной фигурой в производстве этого общества — если не считать небольшой прослойки сохранивших еще свое хозяйство свободных *нун минь* — становится зависимый от феодала *нун ну* (крепостной).

Некоторые *нун ну* были зависимы только лично, обязаны были платить налоги, нести военную службу, но своей землей распоряжались сами, могли продать ее. Другие, лишённые своей земли, арендовали ее у феодала и тем самым были крепко привязаны к земле. Третьи — из разорившихся свободных *нун минь* — становились вольнонаемными батраками, работая то в одном, то в другом хозяйстве.

Все эти категории крестьян жестоко эксплуатировались. И все же, как указывает Ли Я-нун, никогда ни один из этих *нун минь* в эпоху Чуньцю не мог быть, в отличие от европейских крепостных, объектом купли-продажи (стр. 156)².

Ли Я-нун особо останавливается на вопросах развития феодального общества и на изменениях, протекавших в его недрах. Он указывает, что с возникновением феодальных отношений вся полнота военной и административной власти стала принадлежать феодалам, которые превратились в фактических наследственных собственников данной им в пользование земли с обрабатывающим ее населением (стр. 165—167).

Однако эти мелкие феодальные владения были тормозом общественного прогресса. Они ослабляли центральную власть, мешали проведению крупных ирригационных работ, препятствовали развитию торговли. Усилившаяся тенденция к централизации власти и реформы в ряде царств, особенно реформы Цзы Чаня в царстве Чжэн, подробно разобраны Ли Я-нуном, привели к ослаблению феодалов, к нарушению их, ставших уже было «священными и неприкосновенными», прав собственности (стр. 167, 168).

В результате реформ Цзы Чаня все *нун минь*, обрабатывающие земли феодалов, стали подчиняться непосредственно центральному правительству и были включены в военную организацию государства Чжэн. Тем самым начато было уничтожение вла-

¹ Ли Я-нун считает денежной рентой при Ай гуне земельный налог *тянь фу*, но у него нет доказательств, что этот налог взимался в денежной форме.

² За исключением тех случаев, когда сами *нун минь* продавали в рабство жен и детей или продавались сами.

сти феодалов над *нун минь* (стр. 158). Реформы Цзы Чаня оказали также большую поддержку развивающейся торговле.

Еще более радикальным изменениям подвергли феодальное общество реформы Шан Яна в Цинь, в результате которых крестьянам *нун минь* не только дана личная свобода, но они также получили в собственность свою землю с обязанностью платить налоги прямо государству. Отныне земля могла свободно продаваться и покупаться. Эти реформы окончательно подорвали власть феодалов над их уделами (стр. 171).

Однако, указывает Ли Я-нун, в реформах Шан Яна проявлялась и противоположная тенденция — тенденция поддержки мелких земельных собственников и новых помещиков в ущерб торговцам, которых Шан Ян преследовал, считая их туенядцами (стр. 172—173).

Именно диалектическое сочетание этих двух тенденций явилось причиной того, — заключает свою работу Ли Я-нун, — что после объединения Китая под властью Цинь Ши-хуана не смогло возникнуть капиталистическое общество, а образовалось феодально-абсолютистское централизованное государство (стр. 174).

Основным достоинством рецензируемой книги является динамичность изложения, стремление последовательно проследить исторический процесс. Работу Ли Я-нуна отличают обилие используемых источников, серьезно и тщательно подобранный научный аппарат.

Нам представляется правильным стремление Ли Я-нуна опровергнуть концепцию о господстве феодализма в начале периода Чжоу, выяснить реальную сущность аграрных отношений (критика системы *цзин тянь*). Очень важным, на наш взгляд, является признание Ли Я-нуном наличия наряду с рабами слоя мелких свободных производителей. В этом вопросе Ли Я-нун отходит от схемы, принятой некоторыми китайскими историками, которые считают, что в рабовладельческом обществе древнего Китая существовали лишь рабы и рабовладельцы, и не уделяют должного внимания роли и влиянию общины. Правда, Ли Я-нун в этом вопросе останавливается на полпути и не считает мелких свободных производителей общинниками. Он не видит общины в древнем Китае. Даже там, где общинное производство налицо, он считает его коллективным трудом рабов.

К числу основных недостатков работы следует отнести слабую аргументацию многих кардинальных выводов. Это относится, например, к вопросу о рабовладельческих латифундиях в начале Чжоу, о земельной ренте в эпоху Сюань вана и денежной ренте Ай гуна; весьма сомнительны также положения о наличии цехов в ремесленном производстве Чуньцзо-Чжаньго и о потенциальных возможностях перехода древнекитайского общества к капитализму в эпоху Цинь Ши-хуана.

Большим недостатком книги, сильно затрудняющим восприятие ее основных положений, является композиционная нечеткость. У Ли Я-нуна каждая глава посвящена отдельной проблеме. Но многие главы не вытекают одна из другой, а наоборот, вклиниваясь в изложение, нарушают логическую связь и последовательность. Так, например, главу 5-ю о жертвоприношениях людей лучше было бы включить в качестве небольшого раздела в 1-ю главу. Главу 19-ю о торговом капитале и главу 21-ю о феодальном городе никак не следовало бы разделять 20-й главой о земельной ренте. Неоправданно, на наш взгляд, отнесение на последнее место очень интересных и важных 22-й и 23-й глав об особенностях крестьянского производства и положении крестьян. Эти главы заслуживают центрального места и их надо было бы сблизить с 20-й главой о ренте.

Ряд общих выводов Ли Я-нуна, а также его анализ некоторых конкретных исторических данных расходятся с суждениями некоторых китайских ученых, работы которых недавно появились в печати. Дискуссии и обсуждения, проходящие сейчас среди китайских историков, способствуют установлению правильного и четкого взгляда на ход исторического развития Китая и, надо думать, приведут в скором времени к плодотворным результатам.

Н. В. Шепелева